

СТЕПАНЪ ЛУКИЧЪ ГЕЕВСКІЙ.

Множество мемуаровъ, записокъ и воспоминаній общественныхъ и литературныхъ дѣятелей первой половины текущаго вѣка, напечатанныхъ въ послѣдніе годы въ историческихъ журналахъ, въ особенности въ Русской Старинѣ (укажемъ, напр., на превосходныя воспоминанія Никитенка), пролило свѣтъ на умственное состояніе русскаго общества въ началѣ настоящаго вѣка. Оказалось, что въ это, повидимому, глухое и невѣжественное время среди областной интеллигенціи было много бодрыхъ, свѣтлыхъ, энергическихъ личностей, которыя, какъ кораллы Океаніи, своимъ скромнымъ трудомъ готовили почву для воспріятія послѣдовавшихъ затѣмъ великихъ литературныхъ даровъ со стороны Пушкина, Тургенева, Достоевскаго и государственныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Къ числу такихъ мелкихъ работниковъ на обширной и маловоздѣланной нивѣ отечественнаго просвѣщенія отчасти принадлежитъ мѣстный харьковскій писатель и педагогъ Степанъ Лукичъ Геевскій. Имя его теперь совсѣмъ неизвѣстно, да и въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, т. е. во время его дѣятельности, имя его, какъ писателя, не пользовалось большою извѣстностью, потому что С. Л. Геевскій рѣдко печаталъ свои литературныя произведенія и затѣмъ подъ главнымъ своимъ трудомъ, — Сборникомъ стихотвореній, изданнымъ въ 1835 г., подписался инициалами С. Г. При всемъ томъ, личность и дѣятельность С. Л. Геевскаго заслуживаютъ вниманія со стороны людей, интересующихся историческимъ ходомъ образованія въ Харьковѣ, какъ просвѣтительная дѣятельность человека, мно-

го лѣтъ потрудившагося перомъ и живымъ словомъ въ положеніи преподавателя русскаго языка во второй Харьковской гимназіи, въ разныхъ пансіонахъ (Зимницкаго, Сливickaго) и во многихъ частныхъ домахъ. Къ числу учениковъ С. Л. Геевского принадлежатъ профессора Харьковскаго университета А. Н. Стояновъ и И. П. Сокальскій.

Предлежащія строки написаны отчасти на основаніи печатныхъ сочиненій С. Л. Геевского, преимущественно на основаніи неизданныхъ рукописныхъ его трудовъ и автобіографическихъ замѣтокъ, любезно доставленныхъ мнѣ сыномъ его, А. С. Геевскимъ, съ добавленіемъ личныхъ воспоминаній и поясненій, безъ чего мнѣ трудно было бы разобраться въ разбросанномъ черновомъ матеріалѣ. Настоящая статья—посильный вкладъ въ исторію второй Харьковской гимназіи, гдѣ Геевскій много лѣтъ состоялъ старшимъ учителемъ русскаго языка, и гдѣ я, позднѣе, получилъ образованіе.

С. Л. Геевскій родился 28 ноября 1813 г. въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Отецъ его, Лука Ивановичъ, былъ по своему времени образованный человекъ и заботился объ образованіи своего сына. „Отецъ мой, замѣчаетъ С. Л. Геевскій въ одномъ автобіографическомъ отрывкѣ, рѣдко занимался со мною; ибо обязанъ былъ заниматься хозяйствомъ и при томъ любилъ читать книги, которыхъ у него было очень много“—характерная подробность для мелкопомѣстнаго дворянина-малоросса начала нынѣшняго вѣка. С. Л. Геевскій съ благодарностью вспоминалъ о нравственно-воспитательномъ вліяніи на него отца. Онъ спалъ съ отцомъ на одной кровати, и называетъ ее своей первой школой, въ которой ему переданы были отцомъ „первыя правила жизни и нравственности, и притомъ—языкомъ родительскимъ, отъ сердца благородно-мыслящаго, высоко-чувствующаго. Здѣсь я выслушивалъ и прелестнѣйшія сказки (иныя, кажется, собственнаго сочиненія моего отца), здѣсь рѣшались хозяйственныя практическія задачи, здѣсь я выучилъ прямо изъ устъ отца первоначальныя молитвы, всѣ заповѣди, символъ вѣры, здѣсь-же сообщались мнѣ и первыя географическія и историческія свѣдѣнія, до такой степени, что я на 7 году возраста зналъ кое-что и объ Америкѣ, и о черныхъ людяхъ, и о Петрѣ В. и о Наполеонѣ, и о Ломоносовѣ. Все это живо занимало мое младен-

ческое воображеніе, мой свѣжій дѣтскій умъ, и цѣликомъ врѣзывалось въ душу, какъ желѣзо въ мягкую почву земли".

Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ отца, С. Л. Геевскій поступилъ въ Зеньковское повѣтовое училище, которое окончилъ въ 1825 г., 12 лѣтъ, и затѣмъ былъ отданъ въ Полтавскую гимназію. Впослѣдствіи въ своей автобіографической запискѣ онъ такъ вспоминалъ о своей поѣздкѣ съ отцомъ въ Полтаву: „Изъ Опошны мы выѣхали на большую дорогу, и черезъ часъ, не болѣе, были уже въ другомъ мѣстечкѣ—Будищахъ, отстоящемъ отъ перваго верстъ на 6. Будищи такъ не примѣчательны, что и говорить объ нихъ нечего. Но за то проѣхавши еще верстъ 6, я былъ пріятно изумленъ новымъ для меня видомъ триумфальныхъ воротъ, поставленныхъ возлѣ лѣса. Ворота эти ведутъ черезъ лѣсную дорогу къ церкви съ Чудотворною Иконою Угодника Николая и потомъ въ большое селеніе Диканьку князя Кочубея. Здѣсь отецъ мой рассказалъ мнѣ трогательную исторію страдальца Кочубея — предка нынѣ знаменитыхъ Кочубеевъ: въ краткомъ, простомъ, но живописномъ повѣствованіи отца моего я познакомился тогда съ исторіей своего края, и ему быть можетъ обязанъ тою любовью и ревностью, съ которыми впослѣдствіи занимался всѣмъ тѣмъ, что только относится къ родной и прекрасной Украинѣ нашей. Проѣхавъ еще нѣскольکو верстъ, мы видѣли мѣсто побоища Русскихъ съ Шведами, которое и до нынѣ называется *Побиванскою*. Здѣсь также пересказана мнѣ была новая историческая драма, разыгранная Русскими и Шведами въ виду небольшого, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшагося знаменитымъ города Полтавы. Отецъ указалъ мнѣ рисующійся вдаль холмъ—это была знаменитая могила! Тамъ погребены знаменитые воины, павшіе со славою на полѣ битвы. Могила эта находится отъ столбовой дороги не болѣе въ сторону, какъ на версту, и мы не смотря на позднее время рѣшились посмотрѣть ее вблизи.—Полтава была у насъ какъ на ладони, не смотря на то, что еще оставалось проѣхать верстъ 7. Чудный лѣтній вечеръ, со всею прелестью тишины, прохлады и благоуханія, вечеръ, который можно только найти въ нашей благословенной Украинѣ и Малороссіи, обнялъ насъ, очаровалъ такъ, что, не смотря на темноту, мы ѣхали шагомъ, какъ будто намъ некуда и незачѣмъ было спѣ-

шить, — даже я, при всемъ своемъ безпокойствѣ о предстоящемъ экзаменѣ, забылся на нѣсколько минутъ — и въ то время, когда въ дѣтскомъ воображеніи моемъ проносились недавно напечатлѣнные образы давно минувшихъ событій: и окровавленная голова страдальца Кочубея, и грозное таинственное лицо Мазепы, и Карлъ XII на носилкахъ, и гигантъ Петръ Великій съ прострѣленной шляпой, и страшное, покрытое трупами Полтавское поле, — въ это же самое время предъ глазами моими раздвигалась картина совсѣмъ другого рода, безпредѣльная даль направо, обозы чумаковъ, идущіе изъ Ромновъ въ Харьковъ, почталыонъ скачущій во весь духъ съ своимъ многозначительнымъ чемоданчикомъ, пыль столбомъ по дорогѣ, богатая жатвою нивы, копны хлѣба въ стройныхъ рядахъ, волнующееся море цвѣтущей и благоухающей гречихи, а налѣво другая картина: Полтава, погруженная во мракъ пыли, монументъ съ двуглавымъ орломъ, монастырская колокольня, сады и рощи! Чудная, прекрасная природа! Въ этомъ восклицаніи и въ общемъ описаніи украинской природы съ экскурсіей въ малорусскую исторію видно, что мелкопомѣстная дворянская семья Геевскихъ крѣпка была любовью къ родному краю и черпала въ этой любви духовную силу.

Изъ Полтавской гимназіи С. Л. Геевскій поступилъ въ Харьковскій университетъ по юридическому факультету. На третьемъ курсѣ, тогда послѣднемъ, онъ изучилъ языки французскій и польскій настолько основательно, что не только читалъ и говорилъ на этихъ языкахъ, но и писалъ на нихъ стихотворенія. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ была кафедра польскаго языка; лекторомъ былъ профессоръ русской исторіи Артемовскій — Гулакъ. Въ 1833 г. Геевскій, по опредѣленію совѣта университета, награжденъ былъ серебряной медалью за сочиненіе по политической экономіи.

По окончаніи курса въ университетѣ, Геевскій опредѣлился на службу въ 1834 г. въ канцелярію Харьковскаго губернатора съ жалованьемъ по 15 руб. въ мѣсяцъ. Недостаточность средствъ и скучныя канцелярскія занятія лѣтомъ 1834 г. настолько стали тяготить Геевского, что онъ собирался оставить службу и уѣхать въ свой отцовскій хуторъ; но тутъ помогъ ему содержатель пансіона Павелъ Николаевичъ Рейшольскій,

доставившій ему уроки въ семьѣ Ковалевскихъ. О первыхъ своихъ шагахъ на педагогическомъ поприщѣ Геевскій говорить слѣдующее въ автобіографической запискѣ: „(Рейпольскій) радушно, умно принялъ меня и въ самомъ благодѣяніи, которое дѣлалъ мнѣ, умѣлъ высказать всю нѣжность души, все знаніе сердца человѣческаго, и ни взглядомъ, ни словомъ не оскорбилъ самой тонкой струны—самолюбія молодого человѣка, который находится въ необходимости принимать благодѣянія. Я никогда не забуду его ласковаго пріема. Прежде всего онъ объяснилъ мнѣ, что онъ слышалъ давно уже съ какимъ успѣхомъ я кончилъ курсъ въ университетѣ и всегда имѣлъ меня въ виду отрекомендовать въ учителя добрымъ его знакомымъ. Эти знакомыя его были семейство Ковалевскихъ—помѣщиковъ Харьковскаго уѣзда. О. П. Ковалевская имѣла двухъ сыновей—Петра и Павла и дочь Александру, оставшихся послѣ мужа, который когда-то воспитывался въ пансіонѣ Рейпольскаго,*) потомъ служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и женился, потомъ впалъ въ меланхолію, ипохондрію и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился. Его жена, оставшись вдовой, посвятила себя совершенно дѣтямъ; и дѣйствительно, въ отношеніи къ нимъ она выполнила наилучшимъ образомъ священныя обязанности матери. Дѣти были еще маленькія—9, 10 и 11 лѣтъ. Рейпольскій, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и видя, что дѣти достигли уже надлежащаго возраста, совѣтовалъ воспитывать ихъ въ Харьковѣ, хотя и до того они имѣли прекрасную гувернантку. Къ этимъ-то дѣтямъ я былъ приглашенъ учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи. Какъ довѣренная особа, Рейпольскій заключилъ со мною тутъ-же договоръ: я долженъ былъ приходить къ нимъ 4 раза въ недѣлю, заниматься по 2 часа теоретически и практически, за что обѣщано мнѣ было по пяти руб. ас. за урокъ. На другой день утромъ (это было воскресенье) я отправился въ квартиру Ковалевскихъ, засталъ тамъ уже и Рейпольскаго, былъ отрекомендованъ хозяйкѣ, познакомился съ дѣтьми. Меня просили начать уроки во вторникъ—назначены бы-

*) Пансіонъ Рейпольскаго считался лучшимъ на всемъ югѣ Россіи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Здѣсь воспитывался И. В. Росковшенко, переводчикъ Шекспира (подробно во 2 кн. *Русск. Архива* 1890). *Прим. Н. С.*

ли утренніе часы съ 8-ми до 10 часовъ. Во вторникъ я въ назначенное время явился; меня отвели въ особенную классную комнату, гдѣ дѣти были уже совершенно готовы, и гувернантка на своемъ мѣстѣ; во всемъ былъ порядокъ; видно было, что устроилъ знатокъ дѣла. Первый урокъ прошелъ въ томъ, что я знакомился съ понятіями и познаніями дѣтей: заставлялъ ихъ читать, писать, разказывать, что они знали изъ исторіи и географіи и т. д. Я нашелъ, что дѣти хотя и мало еще знали, но имѣли прекрасныя способности. Мнѣ было очень пріятно начать новое поприще съ такими умными дѣтьми. На слѣдующій урокъ я уже задалъ имъ кое что изъ грамматики, изъ исторіи и географіи; приходя на урокъ всегда находилъ все приготовленнымъ исправно; видно было, что дѣти выдержаны отлично и за ними смотрѣлъ материнскій глазъ.— Такъ прошло около 2-хъ мѣсяцевъ: я постоянно въ 8 час. утра въ назначенные дни приходилъ къ Ковалевскимъ, въ 10 уходилъ въ канцелярію и занимался до 1 часу; жизнь моя текла мирно и безматежно. Разумѣется, постороннія занятія мои, т. е. уроки, которые имѣлъ я, нѣсколько вредили службѣ моей въ официальномъ и буквальномъ ея значеніи: это тотчасъ же и было замѣчено людьми, которые любятъ все замѣчать.— Князь *) вскорѣ узналъ, что я прихожу въ канцелярію только въ 11-мъ часу. Онъ призвалъ меня къ себѣ и напомнилъ мнѣ, что упущенія по службѣ нигдѣ и никогда не извиняются, что это можетъ повредить мнѣ и многое другое. Я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ это, и когда князь, повидимому, кончилъ и только въ отеческое назиданіе присовокупилъ— „надѣюсь что болѣе этого не будетъ!“ я при всей скромности моей, рѣшился открыть ротъ и выпустить нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ былъ слѣдующій: Я, В. С., бѣдный человекъ, получаю жалованья только 15 р. ас., и потому чтобы хоть какъ нибудь жить я долженъ зарабатывать на сторонѣ, и теперь если прихожу на службу въ 11-мъ часу, то это происходитъ отъ того, что отъ 8—10 ч. работаю тамъ-то... Эта краткая рѣчь, вѣроятно, сказанная со всѣми признаками простодушія и невинности, имѣла свое хорошее дѣйствіе. Князь совершенно перемѣнилъ тонъ свой, спрашивалъ

*) Князь Трубецкой, Харьк. Губернаторъ съ 1834 по 1837 г.

подробно о томъ и другомъ и, наконецъ, торжественно не только дозволилъ мнѣ являться въ 11-мъ часу, но еще при-совокупилъ: объявите и другимъ чиновникамъ, которые могутъ давать уроки, что и они могутъ пользоваться такимъ позволеніемъ“. Мало этого, на другой же день кн. Трубецкой предложилъ правителю канцеляріи Петину дать Геевскому лучшее мѣсто въ канцеляріи, чтобы онъ могъ получать рублей 500 ас. жалованья. Чрезъ недѣлю или полторы дѣйствительно открылось такое мѣсто—помощника столоначальника въ уголовномъ столѣ съ жалованьемъ 450 р. ас. въ годъ, и Геевскій получилъ его. Новыя занятія его въ уголовномъ столѣ были болѣе для него интересны: здѣсь уже была не пустая отписка разныхъ отношеній и донесеній, а цѣлая дѣла, часто весьма интересныя во многихъ отношеніяхъ. изъ которыхъ Геевскій составлялъ выписки и экстракты, излагалъ мнѣнія—и такимъ образомъ теоретически и практически знакомился съ службой и съ жизнью.

Кругъ товарищей сослуживцевъ не удовлетворялъ Геевского. Ему не нравилось, что сослуживцы его „слишкомъ дѣловые“ люди. Въ то время какъ они предпочтеніе отдавали вину, трубкѣ и картамъ, Геевскій находилъ особенную прелесть въ книгахъ и въ природѣ. Любимымъ занятіемъ его было стихотворство. „Если ты, молодой человекъ, обращается Г. къ молодежи, исполнивши всѣ обязанности твои къ Богу, Царю, обществу и самому себѣ, имѣешь затѣмъ свободное время, пиши себѣ, что знаешь, передавай бумагѣ мысль и чувства прозой или стихами: ты сохранишь святость чувства и души, не растлѣешь среди обольщеній свѣта, не очерствѣешь, не обвѣешься холодомъ міра“. Согласно съ этихъ правоученіемъ, Геевскій часы досуга посвящалъ поэзій, читалъ и сочинялъ. Наклонность къ стихотворству обнаружилась въ немъ еще на гимназической скамьѣ. Въ числѣ рукописей Геевского сохранилась тетрадь „Упражненія въ прозѣ и стихахъ“, написанная еще въ гимназій, съ помѣткой года 1829. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ накопилась довольно большая тетрадь стиховъ, и Геевскій рѣшился издать ихъ. Впослѣдствіи онъ такъ отзывался о своемъ первомъ печатномъ опытѣ: „Если писать стихи не составляетъ ничего предосудительнаго, то печатать ихъ во всякомъ случаѣ дуроче-

ство... Я и теперь краснѣю, что мнѣ пришла эта глупая мысль, не потому, впрочемъ, чтобы я не былъ увѣренъ въ ихъ достоинствѣ или боялся критики—нѣтъ, единственно потому, что я едва сбился на копѣйку и рѣшился тотчасъ же пустить ее на отпечатаніе книги, отъ которой нельзя было ожидать пользы! но дѣло сдѣлано, стихотворенія переписаны, отправлены въ цензуру—и вотъ въ одно прекрасное утро принесена мнѣ съ почты посылка—раскрываю, и вижу: *непечатать дозволяется*... Я, разумѣется, былъ въ восторгѣ и въ тотъ-же день составилъ подписной листъ; подписка шла весьма плохо, такъ что не доставало цѣлой трети для напечатанія книги—и я, скрѣпивши сердце, приложилъ рублей 70 ас. своихъ и отдалъ въ университетскую типографію. Вѣрно въ типографіи было немного дѣла, и стихи мои чрезъ мѣсяцъ были напечатаны въ числѣ 150 экземпляровъ, изъ которыхъ 50 розданы по подпискѣ, штукъ съ 20 раздарилъ, нѣсколько продалъ. Въ журналахъ объ этихъ стихахъ не сказано ни слова“.

Сборникъ стихотвореній 1835 г. заключаетъ всего 19 стихотвореній (нѣсколько оригинальныхъ, но большинство переводныхъ изъ Ламартина, В. Гюго, Мильвуа). Общій тонъ стихотвореній романтическій; прославляется любовь, упоминаются туманный вечеръ, луна, ночной вѣтеръ и т. п. подробности романтики. Стихотворенія проникнуты мыслью, что „все въ мірѣ сновидѣнье“ и сожалѣніемъ о непродолжительности добра и счастья. Вообще, содержаніе стиховъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, незначительно и безцвѣтно. Нельзя отказать Геевскому въ легкости и плавности стиха. Встрѣчаются мягкія, плавныя и выразительныя строфы. Геевского увлекали, какъ видно изъ его стихотворенія „Уединеніе“, „любовь, поэзія, гармонія небесъ, священной музыки напѣвы, и голосъ томный милой дѣвы, и рѣчи сладкія сквозь слезы“

Лѣтомъ 1836 г. Геевскій заболѣлъ. Недѣли черезъ 4, видя что здоровье не поправляется, онъ взялъ 28-дневный отпускъ, и по совѣту доктора уѣхалъ въ деревню лѣчиться чистымъ деревенскимъ воздухомъ. Отпускъ былъ началомъ отставки. Оставивши службу и уроки, онъ переѣхалъ въ свой хуторокъ, гдѣ и прожилъ около года. По выздоровленіи, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ и явился къ губернатору (князю Трубецкому). „Его

сіятельство, говоритъ Геевскій въ своихъ воспоминаніяхъ, принялъ меня очень ласково, спрашивалъ меня подробно обо всемъ и въ заключеніе предложилъ мнѣ опять поступить въ его канцелярію. Но какъ класснаго и штатнаго мѣста въ то время не было, а на общанія я уже не рѣшался полагаться; то я поблагодарилъ его за предложеніе и рѣшился ожидать чего-нибудь болѣе опредѣленнаго и вѣрнаго въ моемъ положеніи; а между тѣмъ сдѣлалъ визиты Ковалевскимъ и Артемовскому, у которыхъ я прежде давалъ уроки. Послѣдніе визиты были болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ, потому что я былъ вновь приглашенъ давать уроки, не смотря на то, что мѣста были заняты другими учителями. Я приобрѣлъ такую довѣренность прежними моими заслугами, что имъ было отказано. Такимъ образомъ, на первый случай, я былъ обезпеченъ..... Неопредѣленность положенія моего въ свѣтѣ сильно беспокоила меня; мнѣ очень хотѣлось служить, и какъ испыталъ уже разъ неудачу по гражданской службѣ, то естественно долженъ былъ обратиться искательство на другое поприще. Случай скорѣ представился. Въ Харьк. губ. гимназій по случаю сильно увеличившагося количества учениковъ допущено было раздѣленіе классовъ на паралельные, и по предмету русскаго языка и географіи открылось вакантное мѣсто—

Послѣ разныхъ хлопотъ со стороны Геевскаго и лицъ, расположенныхъ къ нему, онъ былъ опредѣленъ въ Харьковскую первую гимназію учителемъ русскаго яз. и географіи 11 апр. 1838 г. Два раза онъ исправлялъ должность учителя русской словесности. 1 августа 1841 г. онъ былъ перемѣщенъ во 2-ую Харьк. гимназію учителемъ тѣхъ-же предметовъ. Съ 5 сент. 1842 г. было поручено ему преподаваніе русской словесности въ 4-мъ классѣ 2-й Харьк. гимназій. 26 іюля 1843 г. Г. былъ утвержденъ учителемъ русской словесности въ той-же гимназій и занималъ эту должность до выхода въ отставку въ 1853 г.

Въ началѣ весны 1840 г. Геевскій заболѣлъ и уѣхалъ на родину; поѣздка облегченія не принесла ему никакого. Онъ пріѣхалъ въ Харьковъ такимъ-же больнымъ, какъ и выѣхалъ. Тогда онъ обратился къ доктору, котораго сынъ воспитывался во 2 гимназій—Рындину. Это былъ человѣкъ веселаго нрава: онъ принялъ Геевскаго ласково, весело, беззаботно и ре-

цептъ писалъ, насвистывая какой-то романсъ. Потому-ли что рецептъ прописанъ подъ звуки веселаго романса, или по другой причинѣ, Геевскій вскорѣ настолько поправился, что написалъ комедію: *Бурсакъ-Учитель*. Онъ написалъ ее въ 1840 г. подъ вліяніемъ „Пана Халявскаго“ Квитки и тогда же послалъ ее въ цензуру—въ Москву. Цензура, продержавши рукопись около полугода, возвратила ее безъ дозволенія печатать, но съ замѣчаніями цензора Каченовскаго, который подозрѣвалъ въ ней какой-то пасквиль и требовалъ измѣненія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ. Все это, конечно, исправлено было въ угоду цензору въ нѣсколько дней, и *Бурсакъ* былъ отправленъ опять въ Москву. Случилось такъ, что придирчивый Каченовскій въ это время уже умеръ, и рукопись Геевскаго была разсмотрѣна и разрѣшена Баршевымъ. Тогда Геевскій приступилъ къ напечатанію. Наученный опытомъ, какъ неудачна бываетъ предварительная подписка, онъ рѣшился печатать сочиненіе на собственные средства. „Бурсакъ“ вышелъ въ 1842 году въ 300 экз. Это сочиненіе, какъ сборникъ стихотвореній 1835 г., издано было подъ инициалами С. Г. Вскорѣ появился отзывъ въ декабрьской книжкѣ *Отечеств. Записокъ* 1842. Это была маленькая замѣтка въ полстраницы въ ругательномъ тонѣ. „Бѣда съ этими провинціальными литературами, кіевской, харьковской, астраханской, говоритъ рецензентъ; ждешь отъ нихъ чего нибудь крупнаго, а получаешь мыльный пузырь“. Далѣе, „Бурсакъ“ названъ порожденіемъ безвкусія. Эта въ сущности пустая и мелкая рецензія очень огорчила Геевскаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ знакомыхъ Геевскаго, прочитавъ рецензію, возымѣли о немъ, какъ писателѣ, дурное мнѣніе, въ особенности его товарищи и пріятели.—„Одна изъ знакомыхъ, писалъ впоследствии Геевскій, пріѣхавши разъ вечеромъ къ женѣ моей, спрашивала таинственно: что Ст. Лук. читалъ критику?—читалъ, отвѣчала жена... Что же это сильно огорчило его?—Не знаю, право. Представьте, душенька Софья Тимофеевна, я полагала, что онъ сошелъ съ ума, да мнѣ даже и говорили объ этомъ“... Пріятели Г., встрѣтившись съ нимъ въ гостинной, не знали что и какъ говорить. Такъ сильно было въ то время вліяніе печатнаго слова. Мелочная и пустая критическая замѣтка въ *Отеч. Зап.* произвела на Г. удручающее впечатлѣніе. „Состоя-

яніе души моей въ это время, писалъ онъ въ послѣдствіи, было настроено къ мизантропіи. Я рѣшился жить съ книгами: въ нихъ заключилъ все общество свое; ими ограничилъ все свое развлеченіе. Мнѣ такъ было отрадно и сладостно жить и мыслить въ этомъ обществѣ, что я началъ понемногу успокаиваться... Чтобы не утратить образъ и подобіе Божіе, я долженъ былъ отыскать развлеченіе и принялся читать, читать все, что только могло мнѣ нравиться въ какомъ нибудь отношеніи. Не могу исчислить всего прочитаннаго мною въ эти года: тутъ былъ и Шекспиръ, и Сервантосъ, и Мольеръ, и Байронъ, и Дикенсъ и Гюго, и Куперъ, и Вальтеръ-Скоттъ, и Пушкинъ, и наши русскіе романисты, и греческіе лирики, и Софокль... Безъ сомнѣнія кому нибудь бросится въ голову вопросъ: гдѣ же я, при моихъ обстоятельствахъ, (т. е. учительскихъ занятіяхъ) могъ набрать столько времени? Я ложился въ 9^{1/2} или 10 часовъ, вставалъ въ 5; въ это время у насъ въ домѣ еще все спало: въ продолженій 3-хъ часовъ много можно прочесть, да сверхъ того и днемъ, а особенно въ праздникъ, и на каникулахъ можно было украсть нѣсколько часовъ свободы. Я рѣшился и самъ еще написать что-нибудь, не смотря на плохой успѣхъ первыхъ моихъ опытовъ. Естественно, что сатирическое направленіе должно было быть наиболѣе мнѣ по сердцу. Къ этому времени принадлежатъ повѣсти и рассказы мои: „Воспитанница“, „Своя Семья“, „Спектакль въ старомъ театрѣ“ и „Зимнія приключенія“, которые я нигдѣ не напечаталъ, а также: *Объ украинскихъ чумакахъ* (Харьк. Губ. Вѣд. 1845 № 24), *Воспоминаніе объ Украинѣ*, три статьи; первая ст. *Краткій очеркъ мѣстоположенія и исторической жизни Украины* напечатана въ 1846 г., въ 38 № Полт. Губ. Вѣд. *О бабахъ и дѣдахъ* (Сѣв. Пчела, 1846, № 123). Кромѣ того перевелъ двѣ большія статьи: *О сѣверной народной поэзіи*, съ французскаго (chant du Nord, X. Marmier.) и *О новогреческой народной поэзіи*, съ польскаго (Piesni Ludu Nowogreckiego, A. Chodzki *): Эти статьи нигдѣ не напечатаны. Всѣ труды, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ всенев-

* Повѣсть—Воспитанница—потеряна. Передъ статьями—О сѣверной народной поэзіи и о Новогреческой народной поэзіи, въ рукописяхъ находится

ныхъ занятій, да кромѣ того, подѣ предлогомъ ихъ, я могъ иногда (хотя весьма рѣдко) уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ, затворившись въ своемъ кабинетѣ на-глухо. Боже мой! Да вѣдь если бы эти мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе—все таки я пріятнѣе за ними проводилъ время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба“.

Кромѣ статей, поименованныхъ Геевскимъ въ автобіографической запискѣ, было довольно много другихъ. Такъ, въ бумагахъ Геевскаго сохранились три его рѣчи, именно:

1) Разсужденіе о происхожденіи, постепенномъ усовершенствованіи, богатствѣ и силѣ русскаго языка.—(Рѣчь читана на актѣ въ Харьк. губ. гимназій 9 сент. 1838 г.).

2) Объ Америкѣ и вліяніи ея на Европу.—(Рѣчь произнесена въ торж. собр. Харьк. гимн. 1 сент. въ 1840 г.)

и 3) О современномъ направленіи словесности въ соприкосновеніи къ общественной жизни (произнесена въ торжественномъ собраніи второй гимназій 4 сент. 1846 г.). Рѣчь Г. о направленіи словесности имѣетъ эпиграфомъ изреченіе Де-Сисмонди: „il faut savoir pour sentir, savoir pour penser, savoir pour parler; il faut toujours comparer soi-même, puisqu'on sera sans cesse comparé, il faut étudier ce qui existe, non pour l'imiter, mais pour rester independant“... Въ началѣ рѣчи разобраны мнѣнія Менцеля и Сталь объ отношеніи литературы къ жизни, затѣмъ указаны главныя направленія латературныя въ XVII—XIX ст., ложноклассическое и романтическое, и, наконецъ, отмѣчено современное направленіе литературы.—„историческое“, основными элементами котораго, по опредѣленію Г., являются „народность, какъ познаніе жизни предковъ, и современниковъ, и критицизмъ, какъ строжайшій анализъ этой жизни“. Рѣчь составлена въ формѣ научной монографіи, съ ссылками на сочиненіи французскихъ, польскихъ и русскихъ писателей.

еще предисловіе (36 стр.), изъ котораго видно, что Геевскій предполагалъ обширный трудъ, который онъ озаглавилъ: „Краткое обозрѣніе народной и писемной литературы знаменитѣйшихъ народовъ въ Европѣ“. „Статьи, болѣею частью, я предполагалъ (писать Геевскій въ концѣ предисловія) переводныя: нѣкоторыя изъ нихъ переведены вполнѣ, другія—заимствованы, нѣкоторыя снабжены прибавленіями и примѣчаніями“.

Сохранилось еще около тридцати неизданныхъ стихотвореній Г. Такъ, мы располагаемъ въ настоящее время въ рукописяхъ *) слѣдующими стихотвореніями: 1) *Къ....*, начинается словами „Въ печальной жизни часть и на чужбинѣ я встрѣтилъ васъ“..., 2) *Сонетъ*: „Я васъ увидѣлъ и въ груди моей разлился потокомъ огненнымъ восторгъ любви святой“, 3) *Сонетъ*—„Выпомнителѣ тѣ минуты упоенья“, 4) *Дружескій советъ*: „Когда ты встрѣтишь милое созданье“ и пр., 5) большой *Отрывокъ изъ поэмы Оссіана Лорма*, 6) *Видѣніе*: „Не на яву, и не во снѣ прекрасное видѣніе явилось однажды мнѣ“... 7) *Встрѣча новаго года*: „Прекрасный гость, давножеланный“ и пр. 8) „Желалъ бы я на вѣкъ ее забыть“... 9) *Челнокъ* (изъ Ходзька), 10) *Дерево на берегу Сѣвернаго моря* (изъ Мармье), 11) *Поэзія любви*: „Пускай пустой, ничтожный міръ толкуетъ мою любовь, какъ хочетъ“..., 12) *Мольба поэта*: „Хотя житейская дорога поэта“..., 13) *Маленькому насѣкомому*: „Зачѣмъ ползешь ты, крошка, по дорогѣ?“... 14) *Не позабудь*: „Не позабудь, что для тебя я потерялъ спокойствіе души“..., 15) *Жизнь*: „Пустое слово, звукъ пустой“..., 16) *Перелетныя птицы* „Взгляните на птицъ, улетающихъ изъ рощи родимой“ (изъ Мармье), 17) *Моя карьера*—„Я молодъ былъ; душа моя стремилась, жаждала привѣта“. 18) *Отрывокъ изъ неизданной трагедіи „Карлъ Мартель“*, 19) *Акrostихъ на польскомъ языкѣ „Swiatla gwiazdeczka“*. 20) *Pondo* на франц. яз., 21) *Kon Spiżowi* на польскомъ языкѣ, 22) *Меланхолія*: „Я зналъ красавицу“ (изъ Мармье), 23) *Разбитая Лира*: „Какъ часто въ рощахъ отдаленныхъ“ (изъ Маремье), 24) *Мои желанья*: „Ты знаешь ли тотъ несравненный край“, 25) *Забытая пѣсня*: „Въ зеленой рощѣ соловей“, 26) *Раздумье*: „Зачѣмъ въ глубинѣ души моей такъ часто дивное творится; то жажду я волненій и страстей; то міръ невѣдомый мнѣ снится? Зачѣмъ въ безмолвіи, въ тиши уединенья горятъ волшебныя мечты, и я готовъ искать утѣхъ и наслажденья средь дразгъ мірскихъ и суеты? Зачѣмъ, когда погаснетъ день, и мракъ ночной сгустится надъ землей, люблю бесѣдовать я самъ собой, съ своею думой и

*) Рукописныя стихотворенія С. Л. Геевскаго переданы мною въ бібліотеку Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ. Н. С.

мечтой? Зачѣмъ..., 27) *Фаросскій маякъ* „Среди бездонныхъ моря
водъ“..., 28) „О много, много нужно мнѣ“... и 29) *Странникъ*:

Кто-бъ ни былъ ты, пришлецъ неожиданный,
Изъ странъ ли Азіи святыхъ,
Съ береговъ-ли пальмами вѣчаныхъ,
Лѣсовъ Сибири вѣковыхъ,—
Или оттуда гдѣ народы
Въ порывѣ бѣшеныхъ страстей
Мѣняютъ звукъ своихъ цѣпей
На кликъ отчаянной свободы,
Скажи, гдѣ тотъ далекій край,
Гдѣ тѣ невѣдомыя страны,
Гдѣ бы найти душевный рай
И залѣчить сердечныя раны?—
Ты былъ вездѣ, ты видѣлъ все:
Палаты, царскіе чертоги,
И поселянъ житье-бытье,
Пыри вельможъ и трапезу убогихъ...

СТРАННИКЪ.

Я видѣлъ свѣтъ...
Но, вѣрь мнѣ, счастья въ мірѣ нѣтъ...

Графъ А. К. Толстой посвятилъ Малороссіи прекрасное
стихотвореніе „Ты знаешь край“, на извѣстный гетевскій мо-
тивъ „Kennst du das Land“. На этотъ же очаровательный мо-
тивъ и также въ приложеніи къ Малороссіи Геевскій напи-
салъ стихотвореніе „Мои желанія“, въ которомъ встрѣчается
нѣсколько удачныхъ строфъ, не лишенныхъ притомъ автобіо-
графическаго интереса, напр.:

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ лѣсъ шумитъ,
И отъ луговъ прохладою чудною вѣетъ,
Гдѣ небо въ заревѣ блистательно горитъ,
Какъ жаръ пройдетъ и лѣсъ стемнѣетъ,
И только по полямъ зашевелится колосъ,
И слышится вдали знакомыхъ пѣсней голосъ.

О, я въ мечтахъ, въ желаніяхъ моихъ
Такъ часто уношусь туда душою.—
На пажитяхъ его богатыхъ, золотыхъ,
Подъ липою душистою, густою,
Желалъ бы я отрадно отдохнуть
И позабыть тяжелый жизни путь.

Акростихъ на польскомъ языкѣ написанъ Геевскимъ для своей жены, Софьи Тимофеевны, дочери харьковского писателя Селиванова.

Swiatła gwiazdeczka błysnęła na niebie:
Ona płynęła cicho... Jej blask palający
Padal na ziemią—ach długo ja patrzyłem na ciebie...
Harfa z ręki upadła... blask ślepił oczy!
Ja kocham tu gwiazdku, kocham jak Boga!
Anioł tam żyje, tam żyje moja droga!

(Свѣтлая звѣздочка блеснула на небѣ; она плыла тихо; блескъ ея пылающій падалъ на землю... Долго я смотрѣлъ на нее; арфа выпала изъ рукъ моихъ; блескъ слѣпилъ очи; я люблю эту звѣздочку; въ ней живетъ ангелъ; въ ней живетъ моя милая).

Въ 1845 г. въ Харьковѣ была польская опера. Стихотвореніе „Бронзовый конь“ написано 22 декабря 1885 г. на другой день послѣ оперы „Kon spizowy“, написано оно, какъ значитъ въ рукописи, „dla panny Katerzyny Seliwanowowej“.

Pani! wspomnij jak w teatrze wczora,
W smutnej godzinie zimnego wieczora,
Ja powiedziałem tobie o pięknej miłości
Dwóch kochanków... J tyś prosiła litości!...
A może sama z sobą o nem myślała...
O, ja znam, znam te serce dziewicze;
Pojmuje wszystkie jego tajemnice—
Znam dobrze, że ty już zakochała
Jakiegoś młodego szczęśliwca...
Te widze z blasku twych oczu i z twego lica!
Jak ten Mandarin, co w teatrze widziała,
Na koniu spizowym, i ty daleko latała—
Może w kraj szczescia i miłości!...

(Вспомни, какъ вчера въ театрѣ, когда на дворѣ стояла зимняя ночь, я говорилъ тебѣ о прекрасной любви двухъ сердець. Ты просила о состраданіи. Можетъ быть ты сама думала о миломъ; я знаю дѣвичье сердце, понимаю всѣ его тайны; знаю, что ты уже полюбила какого-то молодого счастливца; то я вижу по блеску твоихъ глазъ, по игрѣ твоего лица, какъ тотъ мандаринъ, котораго ты видѣла въ театрѣ на бронзовомъ конѣ, и ты улетала, вѣроятно, въ страну счастья и любви).

Стихотвореніе „Моя карьера“, написанное 10 января 1853

г., вскорѣ по выходѣ Г. въ отставку, имѣетъ автобіографическій интересъ.

Я молодъ былъ—душа моя
Стремилась, жаждала привѣта;
Но не нашла она у свѣта
Того небеснаго огня,
Который сердцу жизнь и счастье
И радость, и любовь даетъ...
Прошли года—пришло ненастье:
Кругомъ туманъ, дождь ливня льетъ...
Душѣ взгрустнулось одинокой...
И жажда знанія, труда
Меня томила вновь жестоко—
И нѣтъ опять душѣ плода!...
.... не ушелъ я отъ страданій,
И таже на плечахъ сума...
И волѣ Божіей отдавши
Жизнь, разумъ и всего себя,
Молю, лицомъ къ землѣ припавши,
Призри о Господи меня!...

С. Л. Геевскій слѣдилъ за научными работами по исторіи Малороссіи, перечитывалъ ихъ и самъ кое-что писалъ по украинской исторіи. Статья его объ украинскихъ чумакахъ, напечатанная въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1845 г. № 24, представляетъ, какъ онъ самъ указываетъ, переводъ изъ журнала „Tygodnik Petersburski“ 1840 № 35. Статейка небольшая, но написана хорошо, съ фактической обрисовкой чумацкаго быта, въ мягкомъ тонѣ. „Украинецъ любитъ эти степные походы; всегда задумчивый, всегда угрюмый, онъ доволенъ жизнью въ своихъ пустынныхъ поляхъ, ибо они родственны врожденному его характеру, прежнему образу жизни и печальнымъ думамъ Украины“. Въ концѣ статьи приведено 4 старинныхъ чумацкихъ пѣсни. Самостоятельнымъ трудомъ Г. представляется „Краткій очеркъ“ Украины, напечатанный въ 38 № „Полт. Губ. Вѣд.“ 1846; были оттиски въ видѣ маленькой брошюрки въ 20 стр. Здѣсь сначала говорится о названіяхъ Южной Россіи, о границахъ Малороссіи, о новороссійскихъ степяхъ, о запорожцахъ и казакахъ, ихъ укрѣпленіяхъ, преимущественно о курганахъ, затѣмъ о климатѣ и природѣ Украины, и, наконецъ, объ ея исторической жизни; обо всемъ этомъ говорится очень коротко. Съ фактической стороны сочиненіе это

не имѣетъ значенія. Оно любопытно потому, что указываетъ на живой интересъ къ Малороссіи со стороны автора. Любовь къ родинѣ сказывается въ общемъ приподнятомъ тонѣ статьи и въ идеализаціи народной жизни. Напр.: „Вдали мелькають селенія и хутора, мельницы, необятныя нивы и степи... Здѣсь то поселянинъ, ничѣмъ необеспокоиваемый (?), удаленный отъ шума большихъ городовъ, живетъ собственными трудами, не знаетъ нужды, порождаемыхъ многолюдствомъ, и окруженный своимъ семействомъ, радуется имъ... Въ Малороссіи природа такъ благодѣтельна, почва земли столь плодородна, климатъ такъ благорастворенъ, что при всемъ невниманіи жителей къ землѣ, въ урожайные годы бываетъ неимовѣрное изобиліе во всемъ; въ садахъ деревья ломаются отъ тяжести плодовъ; огороды тонуть въ зелени, а благодатные поля и тучные луга доставляютъ столько хлѣба и сѣна, что недалеквидные поселяне, не умѣя сберечь его про черный день, сбываютъ за безцѣнокъ (стр. 16)“. Изъ подстрочныхъ ссылокъ Геевского на источники видно, что онъ знакомъ былъ съ сочиненіями по малорусской исторіи и народной слесености Боплана, Энгеля, Бантышъ-Каменскаго, Маркевича, Скальковскаго, Максимовича, Срезневскаго.

Какъ преподаватель, Геевскій оставилъ послѣ себя хорошее воспоминаніе. Проф. А. Н. Стояновъ говорилъ мнѣ, что Геевскій былъ образованный и гуманный учитель и что онъ своей личностью и преподаваніемъ оказывалъ благотворное вліяніе на учениковъ. Проф. И. П. Сокальскій, бывший ученикомъ въ пансіонѣ Земницкаго, гдѣ Геевскій давалъ уроки, сообщилъ мнѣ, что Геевскій въ обращеніи съ учениками отличался добротой и привѣтливостью.

По выходѣ въ отставку Геевскій прожилъ девять лѣтъ. Къ 50-мъ годамъ относятся два ненапечатанныхъ труда С. Л. Геевского: 1) *Описаніе Зеньковскаго уѣзда Полт. губ.* и 2) *Объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ*. „Описаніе“ Зеньковскаго уѣзда составлено было въ 1857 г. по порученію предводителя дворянства Зеньковскаго уѣзда для Великаго Князя Константина Николаевича. Сочиненіе это было передано предводителемъ дворянства Полтавскому губернатору Волкову. Сочиненіе объ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ составлено въ 1859 г. и отправлено бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову.

Вышедши въ отставку по разстроенному здоровью, съ маленькимъ пансіономъ въ сто тридцать рублей въ годъ (т. е. одной третью того жалованья, которое онъ получалъ на службѣ), Геевскій перешелъ на постоянное жительство въ свой хуторокъ, въ 3 верстахъ отъ г. Зенькова. Хуторокъ этотъ, заключающій около 30 десят. земли, остался ему послѣ отца, умершаго въ 1832 г. Хуторокъ едва могъ доставить нѣскольکو четвертей хлѣба для прокормленія семейства С. Л. Геевского, состоявшаго изъ жены и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, и нѣсколько возовъ дровъ для отопленія маленькаго домика о 4 комнатахъ. Въ хуторѣ были крѣпостные крестьяне 15 душъ, изъ коихъ только три человѣка взрослыхъ, причемъ одного изъ нихъ въ Крымскую войну пришлось выставить ратникомъ. Главной заботой Геевского было дать образованіе двумъ своимъ сыновьямъ. Сначала онъ самъ подготовлялъ ихъ; но, когда старшему его сыну исполнилось 11 л., а младшему 9¹/₂, явилась необходимость отдать ихъ въ училище, на что у Геевского не было средствъ. Въ 1856 г. Геевскій опредѣлилъ своихъ дѣтей въ харьковскій частный пансіонъ Сливицкаго, обязавшись за ученіе ихъ давать уроки русской словесности въ томъ же пансіонѣ въ 4 классахъ. Такъ шло до 1859 г. Старшій сынъ С. Л. Геевского былъ въ послѣднемъ классѣ, младшій классомъ ниже. Но здоровье С. Л. Геевского не выдержало послѣднихъ усилій; онъ заболѣлъ желтятицами и принужденъ былъ оставить занятія въ пансіонѣ. Въ 1860 г. старшій его сынъ, Андрей Степановичъ, окончилъ пансіонъ и поступилъ въ Харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету, а младшій годомъ позже въ физико-математическій. С. Л. Геевскій проживалъ въ хуторѣ, и содержаніе 2 сыновей въ Харьковѣ было ему непосильно. Предводитель дворянства Зеньковскаго уѣзда Т. Г. Пащенко содѣйствовалъ въ освобожденіи старшаго сына Геевского отъ платы за ученіе въ университетѣ (40 р.). Потерявъ всякую надежду на выздоровленіе, Геевскій рѣшился просить общество пособія литераторамъ и ученымъ объ оказаніи въ теченіе 3 или 4 лѣтъ денежнаго пособія его дѣтямъ для окончанія курса въ университетѣ. Было уже составлено въ этомъ смыслѣ прошеніе на имя Павла Михайловича Ковалевскаго для передачи въ общество. Прошеніе это однако не было от-

правлено, вѣроятно, по случаю послѣдовавшей вскорѣ кончины С. Л. Геевскаго. Онъ скончался въ своемъ родномъ хуторѣ 26 янв. 1862 года.

Послѣ С. Л. Геевскаго осталась библіотека, заключавшая въ себѣ много старинныхъ книгъ, напечатанныхъ въ столицахъ и въ Харьковѣ въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Большая часть этихъ книгъ въ послѣдніе годы пожертвована А. С. Геевскимъ частью въ фундаментальную университетскую библіотеку, частью въ библіотеку Историческаго Архива. Въ Историческій Архивъ, кромѣ того, поступило отъ А. С. Геевскаго въ даръ нѣсколько рукописей XVIII и XIX ст. Въ 1876 г. была пожертвована А. С. Геевскимъ въ фундаментальную библіотеку цѣнная рукопись: „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества“ 1787 г., съ 15 картинами уѣздовъ и плановъ городовъ. Проф. Ю. И. Морозовъ напечаталъ эту рукопись въ „Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ“ 1878 г. №№ 15—16.

Н. О. Сумцовъ.

15 октября 1889 г.